

ЛИНА *Мак*

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНИК
Domat

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЫН МУЖА.
Скажи мне "да"

18+

Хочу я мужика

Лина Мак

Сын мужа. Скажи мне "да"

«Автор»

2026

Мак Л.

Сын мужа. Скажи мне "да" / Л. Мак — «Автор», 2026 — (Хочу я мужика)

— Отойди от меня, — зашипела я, смотря в горящие ненавистью глаза. — И что ты мне сделаешь? — оскалился Арс, складывая руки на мощной груди. — Ты здесь ещё никто. Но знаешь, я, так и быть, помогу тебе. — Я не нуждаюсь в помощи, — ответила я и вздёрнула подбородок. — Ну тогда, собирайся, — хмыкнул он. — Да и можешь не прикрываться. Тебя скоро увидят все гости, да ещё и во всей красе. Шест посреди холла для тебя приготовили. Я замерла от шока, а руки сковал спазм. Я попала в ад, но только не знала, что у короля есть ещё и сын. И кто из них страшнее, покажет только время, которого у меня и не осталось.

© Мак Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора:	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лина Мак

Сын мужа. Скажи мне "да"

От автора:

Дорогие мои читатели, по многочисленным просьбам добавляю пояснение к этой истории.

Это поможет тем, кто только знакомится с моим творчеством и расскажет, в каком порядке лучше читать книги цикла «Хочу я мужика», чтобы узнать их историю получше.

Как раз эта история «Сын мужа. Скажи мне «ДА»» входит в этот цикл. Ну или серию.

Ниже приведён список и порядок того, как читаются эти истории. Можно и отдельно, но по порядку интереснее!)

1. Хочу я мужика, но 40+
2. Дикая Ника для бандита. (история родителей Давида)
3. В рамках приличий
4. Скиф. Сердце принцессы
5. Борзый. Раскрою твой секрет
6. Сын бандита. Ломая запреты.
7. Сын мужа. Скажи мне «ДА»
8. Опасная Любовь Бандита
9. Туман. Непокорная для бандита

Всем приятного чтения и спасибо, что выбрали эти истории!

С любовью, Лина М.

Глава 1

Лиза

Тело ломит от боли, и невозможно понять, что происходит вокруг. Я попыталась найти глазами маму, но ничего не вышло. Хотя чего я ожидала? Она всегда умела исчезать в самый нужный момент. Когда мне было семь, и я сломала руку — исчезла на неделю. Когда в пятнадцать меня чуть не изнасиловал один из её клиентов — испарилась на месяц. А сейчас... сейчас я молила небеса, чтобы она хоть раз оказалась рядом. Хоть раз стала той матерью, о которой я мечтала, засыпая в холодной комнате под звуки её смеха за стеной.

Нет, я никогда не верила в то, что у нас с ней могут быть хорошие отношения, но всё же она моя мать. И я очень надеялась на то, что она до последнего будет моей опорой, но всё вышло наоборот.

Надо мной нависла огромная тень. Я подняла взгляд, но так и не поняла, кто на меня смотрит — только по телу пробежал противный озноб. Инстинкт. Древний, животный — кричал, чтобы я бежала. Но куда? Ноги не слушались, а вокруг только развалины того, что ещё час назад было моим домом. Моим единственным убежищем.

На улице моросил неприятный дождь, а дом, в котором я ещё несколько минут назад спала, разносили на щепки.

— Кто вы, что вам нужно? — спросила я, дрожа всем телом. Голос предательски сел, превратившись в жалкий писк, и я прокляла себя за эту слабость.

— Это тебе нужно было спрашивать у своей мамы, которая решила меня кинуть, — ответил хриплый голос, и я узнала его.

Сизый. Тот, кому моя мама отчитывалась долгие годы, под кем работала, если можно это так назвать. Но если учесть, что матов не последовало, а я здесь лежу в грязи, то меня оставили на съедение этим псам. И мама знала. Она прекрасно знала, чем это может закончиться. Сколько раз я слышала её пьяные разговоры по телефону: "Сизый не прощает", "С ним не шутят", "Один раз обманешь — конец". Она знала. Но ей было плевать.

— Я не понимаю, что происходит? Причём здесь моя мама, она...

— Ну, давай договаривай, что она? Скажи эти слова, крошка, — Сизый склонился ниже, обдавая моё лицо противным дыханием с запахом сигар и дорогого виски.

— Моей мамы больше нет. Она исчезла, — ответила я дрожащим голосом, и впервые за всю жизнь не солгала. Её действительно больше нет. Для меня. Она стёрла меня из своей жизни, как неудобную пометку.

А мужчина только оскалился. Его холодная, пробирающая до костей улыбка показала, что я не найду здесь поддержки. В какой-то момент даже жаль стало себя. Двадцать пять лет я прожила, стараясь быть хорошей. Училась на отлично, работала с детьми, не пила, не курила, не спала с первым встречным. И вот результат — лежу в грязи под дождём, а надо мной склонился человек, для которого я всего лишь расплата за чужие грехи.

Но я прекрасно понимала, какой жизнью живёт моя мать, и что когда-нибудь всё закончится. Не самым лучшим образом, но закончится. Я старалась держаться от этого подальше. Но кто поверит, что дочь проститутки может быть другой? Никто. Никогда. Я видела эти взгляды — учителей, соседей, мамаш других детей. "Яблоко от яблони". Всегда.

— Берите её! — громко скомандовал Сизый, выпрямляясь во весь рост, и только сейчас я заметила в его руках чёрную трость, больше напоминающую палку для избияния. — А здесь всё сожгите.

— Нет, пожалуйста, не делайте этого! — закричала я. Паника была в виски острыми иглами, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди и упадёт к ногам

этих мерзавцев. — Я могу вам быть очень полезной, я многое умею, — взмолилась я, пытаюсь вырваться из рук какого-то амбала, что уже вздёрнул меня на ноги. — Только не сжигайте.

— Конечно, ты многое умеешь, — Сизый сделал снова шаг ко мне и больно схватил за щёки, сжимая их. Его пальцы впились в кожу, оставляя болезненные вмятины, и я почувствовала металлический привкус крови на языке. — Как же с такой мамашей ты могла не научиться тонкости обставлять мужиков и доить с них деньги. Только теперь ты будешь заниматься другим. Будешь послушной зверушкой в моём доме. А может, я тебя и женой сделаю, — добавил Сизый, оскалившись, заставляя меня затрястись с новой силой.

Жена. Это слово прозвучало как приговор. Я видела, что становилось с «жёнами» таких людей. Бабушка рассказывала — до того, как мама окончательно скатилась. Видела пустые глаза соседки, синяки под толстым слоем тонального крема. Видела, как однажды её увезла скорая. А через неделю в квартиру въехали новые жильцы. Никто даже не спросил, что с ней стало.

Он бросил на меня презрительный взгляд и молчаливо кивнул амбалу за моей спиной.

— Нет! — закричала я, наконец-то понимая, что сейчас сказал этот страшный человек.

Но вместо ответа я получила сильный тычок в спину и снова завалилась в грязь. И тут за моей спиной поднялось зарево. Я обернулась и увидела, как дом, в котором я жила с самого детства, загорелся изнутри.

В окне моей комнаты ещё виднелись силуэты — старый плюшевый заяц на подоконнике, занавеска в цветочек, которую я сама сшила в шестнадцать. Всё, что у меня было. Всё, что делало меня человеком, а не просто дочерью шлюхи.

Из глаз брызнули слёзы, и, чтобы не взвыть, мне пришлось прикусить губу до крови.

— Поднимайся, — рявкнули у меня над головой. — Иначе босс сейчас быстро изменит своё решение, и тебя по кругу пустят.

Я медленно поднялась и пошла в грязной пижаме к большому внедорожнику, который стоял у ворот. Можно было бы начать драться, кусаться, царапаться, доказывать, что так нельзя и я не виновата. Но жизнь слишком жестокий учитель. Она давно научила меня, что крик только усугубляет ситуацию. Что слёзы привлекают хищников. Что лучшее оружие женщины в мире мужчин — покорность.

Временная покорность. До тех пор, пока не найдёшь лазейку.

Жаль только, что моя мама так и не поняла этого. Я до последнего надеялась, что она не решится так подставлять тех, на кого работала.

Подойдя к машине, я поняла, что Сизый уже сидит внутри. Он окинул меня ещё раз взглядом, будто оценивал и решал, где же я поеду.

— Садись, — кивнул он на заднее сиденье. — Утром вымоешь всё, а потом принесёшь мне завтрак.

Дверь захлопнулась как ловушка. Я оказалась там, откуда было только два пути: на панель или в могилу. А ведь я так старалась сбежать от этой жизни! Четыре года в педагогическом, красный диплом, любимая работа в детском саду. Я строила другую жизнь. Чистую. Правильную.

Всё рухнуло за одну ночь.

— Запомни, Лиза, — голос Сизого стал тише, что только добавило страха, — твоя дальнейшая жизнь теперь зависит от меня. Дети в ответе за своих родителей. Закон улиц. Закон, который старше любых судов и конституций. И раз твоя мамаша кинула меня на бабки, ты будешь отрабатывать их. До последней копейки. Поняла?

Я кивнула, но промолчала. Говорить не могла, да и смысла нет. Но я совсем не ожидала того, что когда я переступлю порог дома Сизого Андрея Руслановича, то моей самой большой опасностью станет не он, а его сын!

Глава 2

Арс

Дом, милый дом. Такая популярная фраза, но каждый вкладывает в неё намного больше.

Для меня это место стало тюрьмой. Особенно после смерти мамы. Странно, я её почти не помню — мне было всего двенадцать, когда её не стало. Но её образ преследует меня во всём. Иногда ночами я просыпаюсь от её голоса: "Арсений, ты не такой, как он. Обещай мне". Я обещал. Но как выполнить обещание, когда его кровь течёт в твоих жёнах?

Начиная от упрёков отца и заканчивая моими собственными кошмарами.

Заехал в гараж, и нос сразу уловил запах гари. Осмотрелся и наткнулся на внимательный взгляд отморозков бати. Хотя не все они здесь одинаковые. Но с волками жить, как говорят...

— Опять трупы сжигали, — хохотнул я, кивая мужикам.

— И тебе здорово, Арс, — ответил Матрос.

Он один из тех, кто давно работает с батей, но не скурвился, как другие. А в чём-то даже останавливает остальных. Я однажды видел, как он вломил по роже одному из "бойцов" бати за то, что тот полез к девчонке без её согласия. "Животных я не терплю", — сказал тогда Матрос. И я запомнил.

Многие его уважают, некоторые боятся. Но никто даже не догадывается, что у него было в жизни похуже, чем у бати. Матрос редко говорит о себе, но однажды, когда я подростком нашёл его пьяным в гараже, он рассказал. О жене, которую не смог защитить. О дочке, которую увезли в детдом. О том, как он пытался стать человеком, но мир не дал шанса.

С тех пор я понял: чудовищами не рождаются. Ими делает жизнь.

И сейчас, судя по тому, что в темноте ночи мерцают огоньки сигарет, намечается что-то интересное.

— У себя? — кивнул на дом и замер, осматривая окна, в которых не горел свет.

— Скорее всего, свою новую жену воспитывает, — заржал кто-то из темноты.

— О как! — вскинул бровь, вот только внутри всё заledenело. Жена? У бати? Снова?

Последняя "жена" продержалась три месяца. Потом исчезла. Батя сказал, что она сбежала. Матрос промолчал, но взгляд у него был такой, что я всё понял. Не сбежала.

— Не попадись ему сегодня, — сказал спокойно Матрос, но перед этим рыкнул на своих.

— Его кинула одна баба, которая держала несколько точек.

— И он решил жениться? — не выдержал я, и сарказм так и полился.

Гениально. Его кинули, и он женится на дочери той, что кинула. Логика? Не, не слышал.

Но ответа не последовало, да и я не стал больше ждать. Смысл оттягивать неизбежное. Если батя без настроения, он всё равно найдёт меня. Из кровати вытащит, но выдаст новую порцию гнили.

Стоило мне только войти в холл, как из подвального помещения раздался плач и звуки ударов. Кулаки сжались сами собой. В глазах потемнело от желания убивать.

Мама плакала так же. Я слышал сквозь стены. Слышал её мольбы. Слышал, как батя орал, что она виновата во всём. А утром она выходила с накрашенным лицом и улыбкой. "Всё хорошо, солнышко".

Через полгода её не стало. Передозировка, сказали врачи. Я не поверил.

Как когда-то сказал Чернобор:

— Ты слишком много общаешься со мной. Поэтому и получаешь.

Отец ненавидит Черноборов и Стальных. Он всю жизнь живёт в своей ненависти, которая и маму свела в могилу. Но никто не знал, что после её смерти он превратится в полного отморозка. И только его бабки спасают его зад. Почти семьдесят процентов городского "бизнеса" под его контролем. Менты на зарплате. Судьи — в кармане.

А он так и не понял, что в этом мире мы не вечны.

— Пожалуйста! — крик девушки пронёсся по дому новой волной.

Я замер в ожидании того, что последуют звуки ударов, но ничего не произошло. А спустя несколько минут послышались тяжёлые шаги.

Я устоял в тёмный проход, что вёл в подвал. Ждать оказалось недолго. Батя вышел, а за ним семенил пухлый мужичок, вытирая испарину на лбу и поправляя ширинку.

Мерзость. Чистая, беспримесная мерзость.

— Андрей Русланович, завтра будут готовы все бумаги, — заговорил этот колобок на ножках, а я вспомнил, кто он. Нотариус бати. Тот самый, что оформлял завещание мамы. Я тогда ещё подумал, как же быстро он приехал. Будто ждал.

— Документы из ЗАГСа привезу сюда же. Вам нужно будет только подписать. А договор и разрешение на использование ор...

Но батя его резко остановил, уставившись в меня ненавидящим взглядом.

— Где ты шлялся? — спросил он ровно.

Никаких эмоций. Всё ровно, без единого намёка на чувства. Мне проще было бы, если бы он орал. Кричал. Бил. Но эта ледяная пустота в глазах... Она пугает больше любого насилия.

Я даже тест ДНК делал в надежде, что он не мой родной. Но судьба не столь благосклонна ко мне.

— Отмечали выигрыш, — ответил уверенно. — А ты, смотрю, тоже развлекаешься.

— Рот закрой, — всё тем же ледяным тоном ответил отец. — Тронешь девку, — он кивнул в сторону подвала, — вырву всё, чем не научился пользоваться, и заставлю сожрать.

Интересная угроза для отца. Очень специфичная. Значит, эта «жена» ему и правда нужна. Вопрос — зачем?

— Как интересно, — хохотнул я, полностью игнорируя его выпад. — А себе тоже вырывать будешь? Или уже лишился всего?

Батя резко покраснел и даже дёрнулся в мою сторону, но промолчал. Я помню тот момент, когда он последний раз поднял на меня руку. Мне было семнадцать. Тогда я сломал ему челюсть. Дава тогда сказал: «Ты переступил черту». Но я не жалею.

Больше он не подходит. Но вот даёт возможность развлекаться своим шавкам, которые не знают, как ему лучше отлизать. Тогда у меня появляется несколько новых гематом. Батя делает вид, что не в курсе. А я делаю вид, что верю.

Но таким способом он только зверя во мне растит.

— Пошёл отсюда. И через неделю здесь будет сходка. Будь добр присутствовать, и вид должен соответствовать статусу.

— Мой вид всегда соответствует статусу, — ответил в тон батю и пошёл наверх.

Спокойно поднялся в комнату, принял душ и достал планшет, который подключён к внутренней сети камер наблюдения по дому. Батя — параноик. Камеры везде. Даже в сортире. Я взломал систему три года назад. Он до сих пор не в курсе.

В подвале они тоже есть.

Развернул окно подвальной камеры и завис.

На полу лежит, скрутившись клубочком, девчонка. Дрожит и обнимает себя за плечи. Тёмные волосы рассыпались по плечам, пижама в грязи. Она такая маленькая. Хрупкая.

Слишком чистая для этого дома.

По её движениям я понимаю, что она плачет. Беззвучно. Натужно. Будто боится, что её услышат.

Но тут она резко дёргается и осматривается вокруг. А через мгновение её взгляд впивается чётко мне в глаза.

Будто видит меня сквозь камеру. Сквозь стены. Сквозь всё моё дерьмо.

Большие карие глаза. Полные слёз и отчаяния.

И что-то внутри меня ломается.

Я не знаю её. Не знаю, кто она. Но в эту секунду я понимаю:

Я не дам её в обиду.

Глава 3

Лиза

За двадцать пять лет жизни я видела многое и привыкла к жестокости вокруг. Видела, как мама возвращалась домой с синяками. Видела, как соседку увозила скорая после очередного «недоразумения» с мужем. Видела, как девочку из моей группы в садике забрали органы опеки — с ожогами от сигарет на руках.

Жестокость — это норма в нашем мире. Просто кто-то умеет прятаться от неё. А кому-то везёт меньше.

Но то, что я почувствовала на собственной шкуре за сегодняшнюю ночь, стало пиком.

Пролежав всю ночь на тонком одеяле в подвале дома Сизого, многое начинаешь переоценивать. А ещё у меня было чёткое ощущение, что за мной кто-то следил. Я чувствовала взгляд. Тяжёлый. Пронзающий. Но когда оглядывалась — никого.

Камеры. Я заметила их в углах подвала. Кто-то смотрел. Всю ночь.

Но сейчас я сижу напротив этого страшного человека и пытаюсь не пропустить ни единого слова. Вот только от формулировки каждого документа, который мне подсовывает противный и воняющий потом и солёными огурцами нотариус, становится дурно.

А может, это всё из-за того, что я не ела ещё ничего. Сколько я здесь уже? Вчера забрали вечером. Сейчас день. Значит, почти сутки без еды. Желудок сводит, но я не подам вида. Не дам им увидеть слабость.

Вот только обстановка кабинета даже не даёт лучам последнего солнца проникнуть и согреть его. Будто тьма пожирает всё. Тяжёлые бордовые шторы, массивный стол из тёмного дерева, кожаные кресла. Пахнет сигарами и чем-то горьким. Властью, наверное.

— Подписывай, милочка, — скалится довольно нотариус и подсовывает мне в руки ручку.

— Зачем вам всё это? — наконец-то спрашиваю я, поднимая взгляд на Сизого. — Что я вам сделала? Вы же можете найти мою мать, и она вам всё вернёт. У неё всегда были деньги. Всегда. На шмотки, на курорты, на рестораны. Она может вернуть всё, что взяла. Зачем я?

— Причём я не спрашиваю сейчас, — добавляю тише.

Все, кто когда-либо сталкивался с теневой стороной нашего города, знают фамилию, которая звучит в этом доме сейчас. И всё прекрасно знают, чем занимается этот человек.

Сизый Андрей Русланович. Его имя шепчут, боясь произнести вслух. Бордели, казино, «крыша» для половины бизнесов города. Говорят, даже мэр ему должен.

Старый, с морщинистым лицом, выцветшим, но цепким взглядом и угнетающей аурой. Он будто душит морально всех, кто находится рядом. Воздух становится тяжёлым. Хочется сжаться, стать незаметной.

— Твоя задача поставить подпись, — спокойно и уверенно отвечает Сизый. — И да, я могу всё. И сейчас я хочу, чтобы ты поставила свои подписи. Паспорт твой и так у меня. А остальное...

Сизый окидывает меня оценивающим взглядом и неожиданно спрашивает:

— В душе была сегодня? Не люблю грязных баб.

— Что? — переспрашиваю я, не веря своим ушам.

— Я не повторяю дважды, Лиза, — его голос становится ниже, и от этого только страшнее.

— Да, меня сводили в душ, — отвечаю, сглатывая вязкий ком в горле. Утром пришла какая-то женщина. Молча провела в ванную, дала полотенце и мыло. Стояла у двери, пока я мылась. Не сказала ни слова. Только презрительно поджала губы.

— Снимай свои тряпки, — совершенно спокойно продолжает он. — Только сначала подпиши.

Я содрогаюсь от его слов. Так больно и противно от собственного бессилия. Этот человек отобрал у меня всё. Дом. Свободу. Будущее. Даже право распоряжаться собственным телом.

А сейчас хочет забрать последнее — достоинство.

— Можно, я прочту, что буду подписывать? — спрашиваю я, стараясь не дрожать и не плакать.

Сизый снова осматривает меня безразличным взглядом, но отвечает сам:

— Всё по стандарту: дарственная на все твои активы, — какие, интересно, активы? Разваленный дом? — завещание, подпись в акте о регистрации брака, ну и, естественно, разрешение на использование твоих органов в случае трагической гибели.

Мир останавливается. Я снова и снова прокручиваю слова этого человека в голове и надеюсь, что мне это послышалось. Органы. Использование органов. Трагическая гибель.

Он собирается убить меня. Медленно или быстро — не важно. Итог один.

Но судя по тому, как начинают сужаться его глаза — не послышалось.

— Время пошло, Лиза, — лениво добавляет Сизый. — Или ты подписываешь, или сейчас придут мои ребята, и вчерашние пощёчины покажутся тебе щекоткой. Хотя, может, ты, как и мамаша твоя, любишь жёстко и во все дырки? Так тогда мы не будем ждать.

Тошнота подступает к горлу волной. Руки трясутся так, что я еле держу ручку.

— Я подпишу, — отвечаю севшим голосом и не могу сдержать слезу, что скатывается по щеке.

Губы дёргаются в подобии улыбки, только горькой. Сердце выпрыгивает из груди. Жаль, что я не могу убить этого... А как назвать человека, который даже не знает, что такое цена жизни? Как назвать человека, который своей жестокостью может соревноваться с дьяволом и выигрывает?

Монстр. Чудовище. Нелюдь.

Пальцы подрагивают, но выхода другого и нет. Я ведь знаю, как всё произойдёт. Не сделаю я, так подпишут за меня. Почерковеды? Да кого это волнует в этом мире! А отсюда я не выйду живой, если откажусь.

Беру ручку и ставлю росписи везде, где показал толстыми пальцами нотариус Сизого.

С каждой подписью я будто хороню себя. Первая подпись — прощай, дом. Вторая — прощай, свобода. Третья — прощай, жизнь.

— Подавись, — шиплю я, расписываясь в последнем разрешении на использование моих органов.

— Вот и отличненько, — довольно причмокивает нотариус и забирает быстро всё, складывая аккуратно в кожаную папку.

— А теперь раздевайся, Лиза, — спокойно повторяет Сизый. — Я хочу посмотреть на свою молодую жену.

Я поднимаюсь на ноги, чувствуя, как подкашиваются колени. Смотрю на этого старика, и низменное желание, чтобы он сейчас сдох от сердечной недостаточности, просто зашкаливает.

Но он не умирает. Сидит и смотрит. Ждёт.

А ещё я понимаю, что мне и снимать особо нечего.

Только футболка и чьи-то штаны, которые дала мне горничная, что пришла утром в подвал.

Нет, я не девочка. Мне двадцать пять. Знаю, что такое секс. Был один парень на третьем курсе. Хороший, добрый. Ушёл, когда узнал, кто моя мать. «Прости, но мне нужна нормальная девушка», — сказал он тогда.

И здесь тоже моя внешность и образ жизни мамы сыграли жестокую шутку. Все всегда думали, что я такая же. Но я пыталась отрастить себе броню. Сейчас понимаю — не вышло.

Берусь за край футболки и уже готова снять её, как дверь в кабинет открывается с такой силой, что если бы возле неё кто-то стоял, убило бы.

— Как я вовремя, — звучит за спиной наглый, низковатый голос. — Бать, а ты не пробовал трахать своих баб в комнате? С твоей спиной, потенцией и грыжами лучше вообще лежать, а баба должна ублажать.

— Щенок! — зарычал Сизый, бросая взгляд мне за спину. — Что тебе нужно?

— Смотрю, у тебя здесь представление, — от наглости и самоуверенности, что засочилась в воздухе, захотелось вытереться. — Я потом тебе скажу, что мне нужно. А ты продолжай, красотка, — владелец голоса обошёл меня и сел на чёрный кожаный диван, что стоит здесь же, у стены.

Тёмная рубашка с закатанными рукавами, открывающими татуировки — змеи, черепа, какие-то руны. Руки и шея тоже в чёрных узорах. Стильная стрижка — выбритые виски, длинная чёлка набок. Цепи на запястье и шее. Расслабленная поза — ноги широко, руки на спинке дивана.

Он молод. Намного моложе Сизого. Лет двадцать восемь, не больше.

Сын Сизого. Такая же мразь, но не это меня пугает.

Его глаза! Тёмно-карие, почти чёрные. Он будто уже раздел меня и всё увидел. Похотливая улыбка на губах, но в глазах... лёд. Абсолютный, пронзающий лёд.

— Пошёл вон отсюда, — произнёс Сизый так, что вокруг даже воздух стал прохладнее, но у его сына и глаз не дернулся. Он всё это время смотрел на меня. — Арс, свалил! — уже зарычал Сизый.

— Ну ладно, — пожал он плечами и легко поднялся с дивана. Дошёл до двери, но не вышел: — Ах да, вспомнил, зачем пришёл. Там один из твоих борделей сожгли. Девки, конечно, выжили, а вот несколько клиентов пострадало.

— Что? — ледяным тоном переспросил Сизый, а я почувствовала, как температура в комнате упала ещё на несколько градусов.

А Арс хлопнул в ладоши и довольно добавил:

— Твои дружки потеряли несколько кило жира. Зажрались, свинки. Не успели унести свои вонючие зады.

— Пошёл вон! — уже заорал Сизый, да так, что я вздрогнула всем телом.

Арс ушёл, и только тогда я поняла, что всё это время не дышала. Он спас меня. Осознанно или нет — не важно. Но спас.

А Сизый быстро достал мобильный, что-то начал искать в нём, но через мгновение вспомнил обо мне, окинул непроницаемым взглядом и крикнул:

— Увести её!

В кабинет вошёл амбал, что вчера вёл меня в машину. Тот самый, с пустыми глазами.

— И пусть ей шмоток привезут. У меня на неё должно стоять.

— Сделаем, босс, — ответил амбал и потянул меня на выход, совершенно не церемонясь.

Дверь закрылась за спиной, но в коридоре я наткнулась на взгляд Арса. Он стоял у стены, оперевшись на неё спиной, скрестив руки на груди. И будто ждал, когда я выйду.

— Свалил, — спокойно кивнул он мне за спину, и хватка амбала Сизого исчезла с руки.

Арс сделал несколько ленивых шагов в мою сторону и замер на расстоянии вытянутой руки. Он высокий. Намного выше меня. Я едва достаю ему до плеча.

— Ну здравствуй, мамочка. Давай знакомиться.

Глава 4

Арс

Зачем я это сделал? Для чего зашёл? Оставил бы всё как есть, и пусть разбирается тот, кто решил кинуть этого конченного шизофреника.

Если бы у меня была совесть, то она сказала бы, что нельзя так называть отца. Но другого он не заслужил за всю свою прогнившую жизнь.

А я получил очередное удовольствие оттого, что напакостил.

Нет, я давно уже понял, что в этом доме я никто. Только приложение, наследник. Он держит меня для того, чтобы было кому передать то, что мне и нахрен не нужно. Его борделя? Казино? Долги крови? Спасибо, не надо.

А я... смотрел всю ночь в экран планшета на маленькое тело, скрюченное на полу, и пробивал информацию.

Лиза Лешина. Двадцать пять лет. Педагогическое образование. Работает в детском саду «Солнышко». Живёт одна в доме бабушки на улице Садовой. Мать — Марина Лешина, проститутка высокого класса, работала на батю последние пятнадцать лет.

Никаких парней. Никаких связей с криминалом. Чистая, как слеза.

Слишком чистая для дочери шлюхи.

Нашёл тех, кто подожжёт бордель — пару отморожков, готовых за бабки на всё, — и быстро решил, что делать, когда несколько минут назад Лиза стояла посреди кабинета, и я знал, что дальше будет.

Она разденется. А если бы её вид не удовлетворил батю, он бы позвал одного из своих шестёрок, который не только отхлестал бы по щекам её, но и трахнул с удовольствием. Снял бы на видео. Потом шантажировал бы этим.

Я видел такое. Не раз.

Мне когда-то рассказывали, что он был другой с мамой. Что она его делала человечнее. Но, по всей видимости, недостаточно делала, раз он не отошёл от дел после её смерти, а продолжил вариться в дерьме, которое убило её и чуть не убило меня.

Помню, как в четырнадцать впервые увидел, что происходит в подвале. Девчонка лет двадцати, избитая, в крови. Батя стоял рядом и курил. «Это бизнес, сынок. Привыкай».

Я не привык. Вырвало прямо там. Он засмеялся.

И вот теперь я смотрю на девчонку, от которой не мог оторвать взгляд всю ночь, и не понимаю, нахрена она мне нужна?

Хотя знаю. Эгоистичное желание завладеть тем, что никогда не оценит мой старый мудака. А может...

Может, я просто хочу спасти хоть кого-то. Хоть раз в своей гребаной жизни сделать что-то хорошее.

Не может, Арс! Приди в себя! Это не семья Чернобора или Стальных. Там любовь, верность, честь. Здесь нет ценностей, только ненависть и сила. Я умею обладать этим в превосходстве. Так что это всё просто развлечение.

Вру себе. Знаю, что вру. Но продолжаю.

— Лиза, — перекатил её имя на языке и даже причмокнул.

Знаю, как это выглядит. Отталкивающе. Пошло. Но вот реакцию её захотелось проверить, и она меня удивила.

Эта девчонка с глазами-агатами бросила на меня презрительный взгляд. Буквально на секунду, но она не смогла сдержать себя. И в этом взгляде я прочитал всё: отвращение, страх, но и... гордость. Она не сломалась. Ещё не сломалась.

— А ты интересная, — усмехнулся я и сделал последний, разделяющий нас, шаг к ней.

— Что тебе нужно? — спросила она тихо, но голос был пропитан брезгливостью.

И это... заводит. Чёрт, как же это заводит! Все бабы, что у меня были, либо сразу раздвигали ноги, либо делали вид, что не хотят, а потом всё равно раздвигали. А эта... она по-настоящему презирает меня.

И я хочу сломать эту гордость. Хочу увидеть, как она смотрит на меня по-другому.

— Мне ничего, — оскалился и склонился чуть ниже. — А вот тебе, по всей видимости, нужно.

— Мне от тебя ничего не нужно, — фыркнула она и развернулась, чтобы уйти, но замерла.

Её волосы разметались по спине — тёмные, почти чёрные, с лёгкой волной. А запах... Господи, какой запах! Сладкий, дурманный. Ваниль? Карамель? Я такого никогда не чувствовал.

Брал кого хотел, и всегда же знал, что любая, стоит только щёлкнуть пальцами, будет моей. Но ни одна ни разу не трогала во мне что-то...

— И куда же ты пойдёшь? — склонился к её уху и инстинктивно вдохнул её запах.

Сладкий, дурманный. Даже ночь, проведённая в подвале, на тонком пледе, не сделала её неприглядной. Кожа чистая, без единого прыщика. Губы полные, тёмно-вишнёвые. Фигура... чёрт, даже в этих мешковатых штанах видно, что она идеальна.

Батя умеет выбирать женщин. Жаль только, что они не понимают, для чего нужны ему.

— Меня должны были проводить, но ты всё испортил, — ответила она нервно и обхватила себя за плечи.

— Я провожу, — усмехнулся в ответ и, взяв за плечо, повёл в противоположную сторону от кабинета бати.

Лиза Лешина, двадцать пять лет. Мать — проститутка со стажем и на хорошем счету. Была. Теперь нет. Она кинула батю на три миллиона, и тот забрал вот это создание.

И как же быстро он решил все вопросы с ней. И даже женился! Хотя почему быстро? Он опаздывает. На тот свет. У него рак печени, последняя стадия. Я знаю. Видел результаты анализов.

Ему нужна печень. Молодая, здоровая. И Лиза... она идеально подходит.

— Пусти меня, — зашипела Лиза, попытавшись вытащить руку из моего захвата, а я дёрнул её на себя и впился взглядом в глаза.

— Ты бы лучше спасибо сказала, — снова оскалился. — Или, может, ты по-другому считаешься, пока батя будет решать проблему с очередным борделем?

Лиза замерла, уставившись на меня огромными глазами. А вот губы задрожали. Пухлые, тёмные как вишня.

Интересно, а какие они на вкус?

— Я понятия не имею, что ты хочешь от меня, — заговорила Лиза дрожащим голосом. — Но о помощи я не просила, — в её глазах снова мелькнула ненависть, и я почувствовал, как в паху дёрнулся стояк.

Чёрт. Совсем ополоумел.

— Точно? — сощурился я, склонившись ближе к её губам, а она даже дыхание задержала. Я чувствую, как учащается биение её сердца. Вижу, как вздымается грудь под футболкой.

— Я привыкла всегда справляться сама, — выдохнула она тихо, но уверенно.

— Лиза, Лиза, — покачал я головой и аккуратно толкнул её к стене, нависая сверху. — Ты попала туда, где сама ты не справишься никогда. Тебе уже определили роль. Но я предлагаю помощь. За определённую плату, конечно.

Вру. Вру так, что самому противно становится. Никакой платы мне не нужно. Мне нужно, чтобы она была в безопасности. Чтобы её глаза не смотрели на меня с таким отчаянием. Чтобы батя не забрал у неё печень и не оставил умирать в какой-нибудь подпольной клинике.

Но я не могу сказать правду. Потому что правда в этом доме — смертный приговор. Для всех.

Лиза задышала быстрее, а её глаза забегали. Она ищет выход. Просчитывает варианты. Умная девочка.

Смотрю на неё и хочу, чтобы она мне просто приснилась. Нахрена мне эти проблемы? Я уже смирился с жизнью в этом доме. Батя не вечный. Он сдохнет — через месяц, через два. А я всё нахрен разгоню. Да и бабки я научился зарабатывать давно и самостоятельно. Легальный бизнес. Инвестиции. Недвижимость.

Но что-то в этой невинной овечке заставляет не только моего дружка подниматься, но и дышать быстрее.

Слишком много кислорода в крови? Или я просто влип по уши в то, из чего нет выхода?

— Арс, правильно? — начала она говорить, упираясь мне в грудь. Её ладони маленькие, тёплые. Даже через рубашку чувствую жар.

— Отойди от меня. Мне не нужна твоя помощь. Я слишком рано узнала, что за помощь таких, как ты, всегда слишком высокая цена. И, если мне не изменяет память, несколько минут назад я стала твоей мачехой. Держи себя в руках, Арс.

Мачеха. Эта маленькая ведьма только что назвала себя моей мачехой. И вместо того, чтобы отшатнуться, меня пробирает волной возбуждения.

Я окончательно чокнулся.

— Хорошо, мамочка, — улыбнулся я, а вот Лиза задышала чаще. Её зрачки расширились. Губы приоткрылись.

Она тоже чувствует. Это притяжение. Эту гребаную химию между нами.

— Но когда ты передумаешь, убедись, что не передумал я. — Я отошёл от неё ровно на шаг и кивнул в сторону двери: — Твоя комната. Наслаждайся жизнью в этом доме.

Минута, и я уже в гараже. Тачка, скорость и номер очередной девки, с которой можно сбросить напряжение.

Но доехать у меня так и не вышло.

Мыслей слишком много, а полученной информации ещё больше.

Батя часто пользовал девок, а потом они исчезали. Но никогда он не готовил документы на донорство.

Меня всю жизнь учили видеть между строк и учиться анализировать. Это качество очень полезно, когда ты живёшь в зверинце, где знание бывает быстрее и сильнее пули.

Снег повалил так, что мне пришлось остановиться. А в памяти снова всплыли глаза Лизы. Слишком красивая, чтобы её пустили в расход за косяки матери.

Слишком молодая, чтобы умирать.

— Арс, ты, кажется, размяк, — хохотнул я, бросая на себя взгляд в зеркало заднего вида. — Слишком много общения с Давой и его родными. У меня такого никогда не будет.

Но я всё равно развернул тачку и помчал в гости к знакомому программисту, который занимается не совсем законной добычей информации.

Мне нужно знать всё. Абсолютно всё.

Потому что если я ввязываюсь в это дерьмо, то должен просчитать все ходы.

Все до единого.

Глава 5

Лиза

Стою под струями горячей воды и пытаюсь согреться, но ничего не выходит. Руками упёрлась в стену душевой и не хочу отсюда выходить.

Всё, что нас не убивает, делает сильнее. Какая идиотская фраза! Особенно в моём нынешнем положении.

Почему-то всегда думала, что когда я стану замужней женщиной, то это вытащит меня из лап прошлого. Спасёт от той жизни, к которой меня усиленно пытались привязать все, кто попадался на моём пути и узнавал чуть больше, чем следовало.

А вышло наоборот. Я не замужем. Я — пленница. Заложница за грехи матери.

По щекам снова побежали слёзы, вот только в этот раз они вызвали во мне лишь злость.

Целую неделю я нахожусь в доме Сизого, и...

А что и? Что со мной произошло за это время, кроме того, что на меня смотрят, как на кусок мяса? Каждый вечер я должна приходить в комнату к Сизому и стоять перед ним голой. Как на аукционе. Как скотина на продажу.

Но самое ужасное, что в его глазах даже на мгновение не мелькают похоть или желание. Только безразличие, граничащее с презрением.

Он не хочет меня как женщину. Ему нужно что-то другое. И это пугает больше, чем если бы он просто изнасиловал.

И каждый раз, когда Сизый уже готов заставить меня работать ртом, его отвлекают. Вчера это стало пределом его терпения. А за то, что кого-то из его людей порезали, я получила пощёчины.

Не впервые. Но от этого не легче.

Но дело даже не в пощёчинах, а в том, кто каждый раз вламывается.

Это Арс.

Он будто специально приходит в тот самый момент, когда я должна подчиниться. Он смотрит на меня своими тёмными глазами, а я хочу спрятаться. Провалиться сквозь землю. Исчезнуть.

Мне уже почти всё равно, что думает обо мне сам Сизый. Но не этот зарвавшийся мажор.

Не он.

И самое паршивое, что я каждый раз уже готова сломаться, прекрасно понимая: если меня возьмёт Сизый, то я просто умру. Нет, не как человек. Я умру внутри. Меня больше не останется.

И каждый раз вот это хождение по грани заставляет сердце останавливаться от приближающегося конца, а он всё ускользает!

У меня взяли кровь и отправили сдать все анализы. МРТ, УЗИ, кардиограмма. Меня обследовали, как племенную корову.

Мне привезли вещи — дорогие, красивые. Платья, бельё, косметику. Всё, что я никогда не могла себе позволить.

Я стала просто телом, в которое вкладываются для того, чтобы использовать.

Вот только пока я жила одна, то прекрасно понимала, для чего меня будут использовать, кто и сколько раз. И талантливо уворачивалась от таких поклонников.

Соседский Валера, который подкарауливал меня у подъезда. Директор садика, который намекал, что за "близкое общение" может поднять зарплату. Друг матери, который однажды ночью попытался залезть ко мне в комнату.

Я научилась говорить «нет». Научилась быть невидимой. Научилась выживать.

Сейчас же я больше ничего не могу менять! Остаётся только надеяться на то, что в очередной раз, когда Сизый позовёт к себе, я снова смогу избежать...

Я знаю, для чего подписывала все документы, которые в первый день привёз нотариус. Сизый Андрей Русланович решил жить вечно, вероятнее всего. А я... я же стану его донором органов.

Но лучше донор, чем тело для этого дряхлого уroda!

— Лиза! — громкий голос всё той же неизменной горничной, что в первый день смотрела на меня как на мусор, ворвался в мой воспалённый мозг.

Меня переселили в комнату, где есть даже отдельный душ. Роскошь по сравнению с подвалом. Кровать с шёлковым бельём, туалетный столик, гардероб. Золотая клетка.

И только в душе я могу прятаться. Но не всегда выходит.

— Лиза! — настойчивее позвала меня женщина.

Я вышла из душа и, накинув на мокрое тело длинный халат, вошла в комнату.

Горничная стояла возле кровати и держала в руках длинное кремовое платье. Лёгкая ткань струилась, переливаясь в свете ламп. Но не это меня напрягло.

Множество разрезов и явно голая спина были изюминкой этого наряда.

Издевательство!

— Это тебе нужно надеть и привести себя в порядок. Косметикой пользоваться умеешь? — спросила она брезгливо, а я промолчала, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

От природы у меня смуглая кожа, крупные карие глаза, длинные смоляные волосы, пухлые губы и кукольное лицо. Бабушка говорила, что я красивая. Мама говорила, что я получилась слишком красивой для этого гнилого мира и родилась не у той женщины.

Теперь понимаю, что она имела в виду.

— Гости уже собираются. Приводи себя в порядок и жди. Тебя позовут, — добавила она и, так и не дождавшись ответа, положила платье на кровать и вышла из комнаты.

Я медленно подошла к нему. Желание взять ножницы и разрезать его на лоскуты стало непреодолимым. Только вероятность идти в таком случае голой на представление зажавшихся ублютков остановила меня.

Я научилась слушать и быть внимательной очень давно. И прекрасно знаю, что сегодня у Сизого сходка. Он будет представлять меня. Вот только наряд выбрал странный.

Мне много раз приходилось видеть, как такие люди, как Сизый, оберегают свою семью. Прячут жён, держат в тени. Но у этого человека всё будто сломалось внутри.

Он даже не зверь. Звери оберегают свой дом покруче людей!

Этот же будто получает какое-то садистское удовольствие от того, что все пялятся на его собственность. Будто кричит всем: я вам даю почти всё посмотреть, но трогать нельзя!

Больной ублюдок.

Халат, в который я закутывалась, упал на пол, и стоило мне только поднять платье с кровати, как двери бесцеремонно распахнулись.

Арс!

Он даже не остановился, хотя прекрасно увидел, в каком я виде. Холодный, циничный взгляд, лёгкая усмешка, напоминающая оскал хищника.

И это всё пугает в нём, потому что что-то трогает во мне! А так быть не должно!

— Выйди! Ты не имеешь права входить сюда, — я попыталась говорить уверенно и даже порадовалась, что голос не дрогнул.

— Какой смелый зверёк, — хмыкнул Арс и медленно подошёл ко мне. — Но, кажется, ты что-то перепутала, Лиза, — он снова растягивает моё имя, будто пробует на вкус. И каждый раз, когда он так делает, у меня по спине бегут мурашки.

— Я скажу Андрею, что ты не даёшь мне прохода, — ответила полную дичь. Зачем? Понятия не имею.

Я же даже не разговариваю с ним обычно. Всё время молчу, отворачиваюсь. Я иду к Сизому будто на казнь, но она всё не наступает!

А с его сыном не могу совладать. Сердце предательски заходится в груди.

Зачем природа делает таких уродов настолько привлекательными?

Но после моих слов взгляд Арса резко изменился. Потемнел. Стал более тяжёлым и давящим.

По коже пробежал озноб, но я не дёрнулась. Да и куда бежать? Я голая, и только этот паршивый кусок ткани прикрывает тело.

— Отойди от меня, — зашипела я, глядя в горящие ненавистью глаза. Да, именно так можно описать тот взгляд, который сейчас начинал давить. Ненависть. Чистая, живая.

— И что ты мне сделаешь? — оскалился Арс, складывая руки на мощной груди. — Ты здесь ещё никто. Но, знаешь, я, так и быть, помогу тебе. Снова, — ударил словами, так ярко зажигая в груди лучик надежды, что я вздрогнула, но успела осадить себя.

— Я не нуждаюсь в помощи, — ответила и вздёрнула подбородок.

— Ну тогда собирайся, — хмыкнул он. — Да, и можешь особо не прикрываться. Тебя скоро увидят все гости, да ещё и во всей красе. Шест посреди холла для тебя приготовили, — добавил он и снова растянул губы в оскале.

Я замерла от шока. Руки сковал спазм. Шест. Танец. Посреди зала, полного мужчин.
Сизый собирается выставить меня на показ. Как товар.
Как мать.
Нет. Только не это. Всё что угодно, но не это!

Глава 6

Арс

Я не знаю, зачем мне всё это. Но стоит посмотреть в глаза этой Лизы, как я готов убивать.

В универе вроде всё нормально, только Дава, который и так сам не свой в последние недели из-за своей Снежинки, теперь задаёт вопросы мне.

— Что с тобой? — спросил позавчера.

— Ничего, — соврал я.

А что я должен ему ответить, если сам не понимаю себя!

Раньше я считал, что дом, утыканный камерами даже в сортире — это полный треш. Сейчас же только радуюсь этому.

Получить к ним доступ не составило труда. Особенно если учесть, что один очень талантливый парнишка — Крот, программист-хакер, которому я когда-то помог с одной проблемой, — сделал всё так, что меня никто и не засечёт в системе дома.

Это большой плюс для меня, как я теперь понял. Могу часами смотреть на Лизу и ждать, когда невинная овечка превратится в суку, которая сожрёт всех.

Но она не превращается. Неделя прошла, а она всё такая же. Испуганная, но не сломленная.

Собрать о ней информацию не составило труда, и я даже удивился, что Лиза не пошла по стопам матери, с её-то данными.

Окончила пед, работала в детском саду, жила в старом доме умершей бабки, где ремонт последний раз делался до её рождения. С матерью особо не общалась. Даже деньги не поступали ей на счёт, кроме её зарплаты и переводов от мамаш, за детьми которых она присматривала в выходные.

Никаких парней, женихов или папиков. Всё так чисто, что даже противно. В наше-то время иметь такую биографию весьма странно.

А вот её мамаша всегда знала, где она может пригодиться. И квартира со всеми удобствами, и лучшие курорты, и разные мужики, и бордель, точнее, эскорт-агентство.

Вот только сейчас всё изменилось. Лиза у моего отца в роли подстилки... нет, не подстилки. Донора.

А её мать...

Мне теперь и самому интересно, где же она? Всё тот же знакомый программист пробил для меня, что мамаша Лизы последнее время тесно общалась с одним из конкурентов бати — Гришей Ломакой, тем ещё уродом. И я, как сын, должен был бы сказать всё батю. Но нет.

Я прекрасно знаю, что псы бати уже землю роют в её поисках. Слишком много бабок увела эта дура. И ведь даже не сообразила, что подставила не только девок, которых спустили с небес на самое дно, но и дочь родную.

А может, всё так и задумывалось?

Может, Марина Лешина просто пожертвовала дочерью ради собственной свободы?

Я бы мог оправдать отца тем, что он после смерти мамы превратился в тварь, но не вижу смысла. Он всегда был таким! Считает себя выше всех, а другие платят за его величие слишком высокую цену.

Он разогнал всех эскортниц и закрыл агентство, точнее, бордель. Теперь элитные девки обслуживают всех подряд в дешёвых клубах бати.

А Лиза...

То, как тщательно её проверяют и собирают все анализы, подсказывает, что готовят её на роль благородной супруги, пожертвовавшей ради мужа всем!

Я не могу достать медицинскую карточку отца. Слишком верные у него эскулапы. Но и без них понимаю, что ждёт эту непокорную идиотку.

Смотря на то, как она всю неделю ходит к отцу в комнату и стоит перед ним голой, я готов ему глаза выколоть, а её увести и спрятать.

Это трындец как паршиво!

Ржал с Давы, когда тот психовал из-за Лии, а сам становлюсь ещё хуже!

Но то, что начало происходить сегодня утром в доме, выбивает из меня последнее самообладание.

Шест посреди холла. Снующий по дому обслуживающий персонал. Столы, что накрываются, будто здесь хотят обожраться и сдохнуть.

Матрос сказал сегодня утром, что батя снова затевает шоу. Он сам не в восторге от всего этого, но и лезть не будет.

«Каждый получает в жизни то, что заслужил», — бросил он.

Но охраны сегодня в два раза больше, чем обычно на таких сходках. Либо батя чего-то боится, либо кого-то ловить будут.

И вот стою в комнате Лизы, смотрю в её испуганные глаза и понимаю, что я их всех перестреляю, если они будут смотреть на неё так, как я уже представляю.

Мне бы уйти! Силы не равны. Да и нет смысла дёргаться, ведь с батей тягаться — себе дороже. Пострадать могут все, кто мне дорог!

Но я не могу сдвинуться с места. Злюсь на себя и начинаю ненавидеть эти её огромные глазищи!

Делаю медленный шаг в её сторону, и ещё один. Замираю и снова вдыхаю её запах.

Как может запах стать наваждением всего за неделю?

— Давай, одевайся, — говорю со злостью, кивая на её наряд, что она прижимает к себе. — Или ты сразу пойдёшь так? Порадуешь гостей?

Её глаза становятся ещё больше, а в уголках начинают собираться слёзы.

Это конец!

Сжимаю кулаки и завожу их за спину себе. Не дотрагиваться к ней! Только не касаться!

Но сам же склоняюсь ниже, чтобы наши взгляды встретились на одном уровне.

— Хочешь, я тебе помогу, Лиза? — специально перекаत्याю её имя на языке. Я вижу, как она каждый раз дёргается, когда я так обращаюсь к ней. Вижу, как расширяются зрачки. Как учащается дыхание.

— Только скажи мне «да», и...

— Ты ничего не сделаешь, — её голос дрожит, но звучит обречённо. — Ты такой же, как и твой папаша. Все вы одинаковые.

И вот этими словами она убивает во мне последнюю надежду.

Последнюю попытку быть человеком.

— Тогда чего же ты ждёшь? — От её слов внутри что-то лопается, и чистая, живая ярость начинает мчаться по крови, застилая разум. — Переодевайся. Пора показать шоу.

Разворачиваюсь и выхожу из комнаты. Иду по тёмному коридору, а дойдя до ступенек, наконец-то понимаю, что меня так смутило в её словах.

Она просто приняла всё. Лиза считает, что её жизнь закончилась, и это только остатки.

И мне бы не лезть. Сколько таких было здесь после смерти мамы? Сколько появлялось и исчезало? Да даже смысла нет считать!

Когда живёшь среди жестокости, сам становишься таким же. Потребителем!

— Где ты был? — рывкает батя, останавливая меня возле последней ступеньки.

— Заходил к новой мамочке на аудиенцию, — отвечаю сразу же и растягиваю губы в улыбке.

Шаг, и батя хватается меня за грудки, смотря бешеным взглядом.

— Я тебя, щенок, закопаю! Тебе что непонятно было в моих словах? Девчонку не трогать! Брезгливо скидываю его руки, и даже сам удивляюсь, как в этот раз легко он отпустил. Вскидываю бровь и тихо отвечаю:

— А какая тебе разница, кто её тронет? Или ты решил устроить здесь представление для всех только для того, чтобы показать, какая у тебя девочка? Так, может, её лучше сразу на стол разложить и дать каждому потыкать в неё, чтобы всех удовлетворить?

— Не твоё собачье дело! — заорал батя, но быстро сбавил тон, вспоминая, что в доме прислуга, а его гости уже начинают прибывать. — Это моя жена. Что захочу, то и буду с ней делать. Хоть по кругу пушу. Она мне отработает всё, что я потерял!

— Круто, — киваю я и растягиваю губы в оскале. Даже скулы сводит, но не время показывать эмоции. — Я тогда первый на очереди.

И ухожу, пока не вломил ему.

Пока не сорвался окончательно.

Глава 7

Зал наполнился. Человек пятьдесят точно. И это только те, кто приглашён. А ещё их охрана, тачки... И вся вот эта блестящая херня замолкает от голоса бати.

Все разодеты в брендовые шмотки, на шеях жён или любовниц сияют бриллианты. Дети — зажавшиеся сосунки, ну или соски, в таких же сияющих цацках.

И можно было бы утащить одну из этих девок в тёмный угол, но взгляд намертво приклеился к Лизе.

С того момента, как она спустилась, я не могу оторвать взгляда.

Платье облегает её фигуру, подчёркивая каждый изгиб. Разрезы открывают длинные ноги. Спина голая — от затылка до самой...

Господи.

Она села за стол и сидит тихо, стараясь не привлекать к себе внимания. Но это невозможно. На неё смотрят все. Мужики пожирают глазами. Бабы шепчутся, оценивая.

А сейчас батя её позвал.

— Елизавета, подойди! — командует батя, и все в зале замолкают.

Она поднялась и пошла к нему почти через весь холл. Батя стоит с двумя своими партнёрами — Громовым и Сизенко. И эта троица настоящие шакалы. Каждый из них себе на уме, и каждый считает, что они будут жить вечно.

Их схемы я давно узнал. Каждый из них только делает вид, что по-честному делится со всеми и честно вкладывается в общак. Вот только то, что они роют друг другу ямы, никого не напрягает.

Мне бы, как примерному сыну, сказать всё это бате. Но нет никакого желания.

Хм, не зря недавно сказал Дава, что все мы сыновья своих отцов. И каждый в той или иной степени копирует их поведение.

Вот только у Давы пример совершенно другой. Каким бы грозным ни был Давид Чернобор-старший, в доме он примерный семьянин и любящий отец.

Я знаю, о чём говорю, бываю у них довольно часто. И им бы меня гнать в шею — сына Сизого! Но тётя Ника никогда даже косо не посмотрела на меня. А дядя Дава всегда пожимает руку и спрашивает, чем думаю заниматься после окончания универа.

Семья. Вот чего у меня никогда не было и не будет.

— Вот она, моя красавица! — Ровно в этот момент, когда вынырнул из тяжёлых мыслей, батя схватил Лизу за руку и прижал к себе, громко произнёс на весь зал: — Она невероятная, согласны?

И все закивали, поддакивая.

Сука, меня сейчас стошнит! Жополизы!

Лиза же побледнела, и в этот момент наши взгляды встретились.

Я всегда присутствовал на таких сборищах бати, но проводил их так, как считал нужным для себя. В баре, в гараже, в компании таких же, как я, наследников криминальных боссов.

Сегодня же, чуть ли не впервые за всё время, нахожусь в зале и никуда не стремлюсь улизнуть.

Поднимаю стакан и салютую Лизе, посылая улыбку. Знаю, что выглядит это тупо и мерзко, но по-другому сейчас не могу. Я могу только смотреть!

— Лизонька приготовила для нас танец, так ведь, моя прелесть? — Батя развернул Лизу к себе лицом, а в следующий миг обхватил её за шею и впился в губы своим старым ртом.

Стакан оказался слишком хрупким и рассыпался в руках, пробивая ладонь осколками.

Кровь. Боль. Ярость.

Ситуацию спасло только то, что зал наполнился аплодисментами.

Батя же, смотря на всех с превосходством, развернул Лизу к тому самому шесту, что стоял посреди зала, и высокомерно осмотрел всю толпу.

А вот у этой строптивой девчонки по щеке пробежала одинокая слеза.

Лиза снова бросила на меня взгляд, в котором прочиталась уже мольба.

А ведь я спрашивал!

Интересно, что сделают со мной, если я украду жену собственного отца с такого мероприятия?

Или мне, по нашему закону, нужно будет сначала грохнуть его, а потом уже начать править по-своему?

— Или мы всё же разрешим станцевать профессионалам? — снова громко спросил батя, и, на удивление, многие закивали согласно.

Зал как по щелчку заполнили девочки в откровенных нарядах, плавно вырисовывая танцевальные движения вокруг шеста, а музыка начала завлекать.

И только Лиза стояла блее, чем её платье, и смотрела на меня, пока батя ей что-то шептал на ухо.

Она уже даже не дрожала. Просто умирала на глазах.

Все были увлечены шоу, и никому не было дела, что происходит у них на глазах. Рядом с батей появился Матрос и, взяв Лизу за предплечье, повёл в сторону чёрного входа.

Останься на месте, Арс. Оно тебе не нужно! Нахрен всех!

Но ноги уже сами вели меня по коридору в сторону гаража.

И стоило мне войти в него, как я заметил выезжающую с парковки машину охраны.

— Я об этом пожалею! — зарычал я и запрыгнул в свою тачку.

В кровь ударила лошадиная доза адреналина, который только сильнее заблокировал способность соображать трезво.

Моя тачка разгоняется до сотни за несколько секунд, но я не сразу понял, почему не могу догнать машину охраны.

Спас ситуацию выпавший снег.

Из посёлка они не выехали, и это я понял, только когда остановился на перекрёстке, выскочил на улицу и всмотрелся в темноту.

Но стоило мне подойти снова к своей тачке, как в ночной тишине прозвучали выстрелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.